

Доктор Дэвид А. ДеСильва, 2 Питер и Джуд Сессия 2

В следующем разделе автор излагает общие цели письма и объясняет его актуальность. Апостол Петр говорит о своем желании предоставить им непрерывный источник информации, напоминание об определенных ключевых аспектах апостольского Евангелия, о вере, которую они получили, чтобы она служила им источником, который поможет им не сбиться с пути после его смерти, и, следовательно, его неспособности сделать это лично. Поэтому я буду продолжать напоминать вам об этом, хотя вы и познали это и утвердились в истине, которая пришла к вам.

Справедливым же почитаю, доколе нахожусь в этой храмине, возбуждать вас напоминанием, зная, что скоро близок выход из храмины моей, как и открыл мне Господь наш Иисус Христос. Поэтому я постараюсь при каждом удобном случае напомнить вам об этом и по отшествии моем. Этот отрывок содержит два воспоминания из жизни Петра.

Неясно, рассчитывает ли автор на то, что слушатели будут думать о традиции, подобной той, что содержится в Евангелии от Иоанна, глава 21, где Иисус после воскресения говорит о будущей казни Петра, или же автор или сам Петр получили иное откровение от Христа в духе о своей предстоящей смерти. В любом случае, содержание данного послания приобретает большую значимость как своего рода последняя проповедь великого апостола церквям, которые он оставляет. И эта последняя проповедь в основном направлена на то, чтобы укрепить слушателей в уверенности в возвращении Христа и судах Божьих, противостоя тем изменениям, которые некоторые скептики хотели бы внести в христианскую веру.

Главная причина, по которой апостольское свидетельство о вере следует принимать и сохранять перед лицом вызовов новаторов, заключается в том, что оно основано на очевидце вмешательства Бога в мир через Иисуса Христа, а не на человеческих выдумках. Это приводит ко второму, гораздо более развитому воспоминанию. Ибо мы возвестили вам силу и явление Господа нашего Иисуса Христа не хитросплетенными баснями, но очевидцами Его величия.

Ибо когда Он принял от Бога Отца честь и славу, Ему был передан глас от столь величественной славы: Сей есть Сын Мой возлюбленный, в Котором Мое благоволение. Этот глас, исходивший с небес, мы слышали, когда были с Ним на святой горе, и имеем вернейшее пророческое слово, которому вы хорошо делаете, внимая, как светильнику, сияющему в темном месте, доколе не начнет рассветать день и не взойдет утренняя звезда в сердцах ваших. Автор здесь ссылается на странное событие, называемое преображением, известное из синоптических Евангелий от Марка 9:2 и далее, от Матфея 7:1 и далее, и от Луки 9:28 и далее.

На случай, если этот эпизод вам понадобится, я поделюсь сокращённой версией рассказа Марка. Иисус взял с Собой Петра, Иакова и Иоанна, и возвёл их на высокую гору одних, и преобразился перед ними, и одежды Его стали ослепительно белыми, как никто на земле не мог их отбелить. И явились им Илия с Моисеем, которые беседовали с Иисусом.

И вот облако осенило их, и из облака раздался голос: Сей есть Сын Мой Возлюбленный, Его слушайте. Вдруг, оглянувшись, они увидели вокруг себя никого, кроме одного Иисуса. Когда же они сходили с горы, Он повелел им никому не рассказывать о виденном, доколе Сын Человеческий не воскреснет из мёртвых.

Во-первых, автор Второго послания Петра представляет свой рассказ о преображении как свидетельство очевидца. В учебнике Аристотеля по эффективной аргументации тот утверждал, что самые веские доказательства — это те, которые оратору не нужно выдумывать. Свидетельства очевидцев, клятвы и письменные документы относятся к этой категории веских доказательств.

Свидетельство Петра, очевидца, говорит о славе, которой Бог наделил Иисуса. Вместе с Иаковом и Иоанном Петр узрел славу, которую Иисус, вечный Сын, имел у Отца до Своего воплощения. Он узрел славу, которую Иисус обретет не только после Своего воскресения, но и после Своего вознесения, и, в конечном итоге, при Своем пришествии как Господа и Судьи.

Это был прославленный Христос, с которым Павел столкнётся, направляясь в Дамаск, чтобы преследовать культ Иисуса, который, по его мнению, подрывал верность завету Израиля. Это был прославленный Христос, которого Иоанн увидит на острове Патмос, когда он погрузится в видения, которые в конечном итоге приведут к написанию книги Откровения. Автор упоминает преобразование как свидетельство того, что Бог наделил Иисуса особой честью и славой, — фраза, перекликающаяся с Псалмом 8, стихами 5 и 6: «Ты венчаешь его славою и честью».

Ты всё покорил под ноги Его. Псалом 8 первоначально трактовался как восхваление удивительных привилегий, дарованных человечеству в Божьем порядке творения. Что есть человек, что Ты помнишь его, говорит псалмопевец, начиная свою хвалу, или сын человеческий, что Ты посещаешь его? Ранние христиане ухватились за это упоминание о сыне человеческом как за намёк на то, что псалом также имел смысл, в котором он говорил не только о человечестве в целом, но и об Иисусе в частности.

Более того, заявление Бога о том, что Иисус — Сын Божий, напоминает Псалом 2, стих 7. Псалом 2 изначально был царским псалмом, прославляющим Божественную милость, которой пользовался царь из рода Давида, и его место в Божьем космосе. Однако впоследствии он стал восприниматься как пророческое слово о Мессии, высшем царе из рода Давида. Как было обещано, Иисус, будучи этим сыном, примет народы в наследие от Бога и будет править ими жезлом железным.

В ранней церкви это стало пророчеством, указывающим на возвращение Христа для установления Его Царства. Таким образом, язык, которым автор пересказывает историю преобразования, представляет это событие как предвосхищение пришествия

Иисуса как назначенного Богом царя и судьи последнего времени. Возможно, Марк далеко не случайно так понимал это событие.

Вплетая слова Иисуса и истории о Нем в своё повествование, Марк предваряет эпизод преображения этим заявлением Иисуса. Здесь есть те, кто не вкусит смерти, пока не увидит Царствие Божие, грядущее во славе. Марк, по-видимому, понял это заявление и подвёл своих слушателей к пониманию того, что оно исполнится в преображении – следующем эпизоде, который он описывает, и единственном эпизоде в истории Иисуса до этого момента, который он связывает с предыдущим точной хронологией.

Через шесть дней Иисус взял Петра, Иакова и Иоанна и повёл их на высокую гору. Автор Второго послания Петра трактует преображение точно так же. Это было видение Иисуса во время Его Второго пришествия.

Это был опыт, который, по крайней мере для Петра, Иакова и Иоанна, сделал пророческое слово для них более достоверным. Автор надеется, что воспоминание об этом апостольском свидетельстве может сделать то же самое и для его слушателей. Поэтому он призывает их, вопреки возражениям и демифологизации скептиков, держаться того, что пророческое слово возвещает как будущую достоверность.

Таким образом, свет зарождающегося дня Господня осветит их шаги сквозь мрак этой жизни, так что когда день наступит во всей своей полноте, они будут найдены поступавшими праведно. Мы исповедуем, что смерть и воскресение Иисуса произошли именно так, как Он предсказал. Преображение даёт нам дополнительную уверенность в том, что история ещё будет разворачиваться так, как обещал Иисус, что, как исповедуют великие традиции церкви в Никейском Символе веры, Он придёт вновь во славе судить живых и мёртвых, и Царству Его не будет конца.

Это убеждение призвано не просто оставаться в наших головах или звучать на наших устах, но формировать всю нашу жизнь, как выразится наш автор в конце этого послания, предвкушая катастрофическое пришествие Христа, чтобы возвестить о новом творении. Если всё это, таким образом, обречено на уничтожение, то какими же людьми должны быть вы, ожидающие и приближающие наступление дня Божьего в святом поведении и благоговейном благочестии? Автор предлагает откровение славы и чести Иисуса при преображении, а также утверждение Бога о том, что Иисус действительно был Сыном Божьим, – титул, перекликающийся с Псалмом 2, где говорится о ожидании назначенного Богом регента, вершившего суд над всеми народами, – как свидетельство, делающее пророческое слово более верным. Это подводит его к краткому отступлению, подтверждающему достоверность подлинных пророческих слов, полученных общиной в прошлом, и, несомненно, относящемуся в первую очередь к тем еврейским пророкам, которые предвидели день Господень.

Итак, в главе 1, стихах 20 и 21, мы читаем: будьте уверены: ни одно пророческое слово в Писании не произносилось человеком по воле человеческой, ибо никогда пророческое слово не произносилось по воле человеческой, но изрекали его люди, движимые Духом Святым. Этот текст часто трактуется как предостережение против личного толкования текстов Писания, что, вероятно, само по себе является хорошим предостережением, но вряд ли именно это имел в виду автор. Скорее, он

подтверждает точное понимание и выражение пророком любого экстатического опыта, сна, видения или слышания божественного голоса, полученного пророком, так что представление пророка о значении этого является точным и достоверным.

В греко-римском мире, как известно, так называемые пророческие слова передавались и записывались при неясных обстоятельствах. Вспомним Дельфийского оракула, который, находясь в мистическом и, возможно, галлюциногенном трансе, издавал звуки, которые жрецы записывали так, как понимали, передавая зачастую двусмысленные и, можно сказать, вводящие в заблуждение предсказания тем, кто спрашивал, чтобы они сами их осмыслили. Возможно, это крайний пример, но он даёт некоторый контекст для утверждения нашего автора о том, что при составлении пророческих слов в Писании не было места для ошибок или недопонимания.

Святой Дух направлял пророков, чтобы они говорили и писали именно то, что Бог намеревался передать. Однако не все пророки поступали так, и автор напоминает своим слушателям, что среди людей первого завета часто появлялись лжепророки, и лжепророки будут и впредь преследовать народ Божий в нынешней обстановке. Но были лжепророки среди людей, как и среди вас будут лжеучители, которые будут распространять пагубные мнения и отвергаться искупившего их Господа, навлекая на себя скорую погибель.

И многие последуют их бесстыдному самолюбованию, из-за которого путь истины будет оклеветан, и будут с жадностью торговать с вами ложными речами, которым осуждение давно уже не лениво, и погибель их не дремлет. Как отличить истинного пророка от лжепророка? Как узнать, кто говорит от имени Бога? Автор предполагает, что нравственный облик и практика человека во многом способствуют ответу на вопрос: служит ли пророк желаниям Бога или использует своё влияние для удовлетворения собственных желаний, часто весьма материалистичных и чувственных? Как следует из первой и третьей глав этого послания, ещё одним главным критерием является соответствие традиции тех, кого община верующих приняла как истинных пророков, пророков периода Первого и Второго храмов, чьи пророчества записаны в Писаниях, и вдохновлённых духом апостолов, приобщавших слушателей к вере. И Павел, и старейшина, написавший Первое послание Иоанна, согласились бы с этим.

Несмотря на то, что наш автор использует будущее время, из того, как развивается остальная часть послания, становится ясно, что эти лжеучители уже прибыли. Автор будет говорить о них и их деятельности в настоящем времени, начиная со стиха 10 главы 2 и до конца главы, а об их нападках на веру христиан во Второе пришествие Христа и Страшный суд – в стихах 3–7 главы 3. Именно в этом месте послания мы начинаем слышать явные отголоски Послания Иуды, которые продолжаются до конца главы 2. Хотя многие темы условны, их концентрация и параллельное развитие на протяжении всей главы убедительно свидетельствуют о том, что один автор знает, ценит и использовал труд другого для решения схожей проблемы, а именно, проблемы новаторов-нарушителей, стремящихся изменить апостольское Евангелие в своих целях. Ресурс не использовался рабски, а был в значительной степени адаптирован, чтобы соответствовать как аудитории с совершенно иным культурным наследием, так и альтернативному посланию с существенно иной направленностью.

Ученые единодушны во мнении, что Послание Иуды является более оригинальным текстом, и что автор Второго послания Петра использовал его последовательность тем в качестве основы для обращения к своей аудитории, поскольку акцент Иуды на несомненности Божьего суда был столь актуален для ситуации Второго послания Петра, и поскольку Иуда создал столь риторически сильное обличение корыстных новаторов в отношении Евангелия. Таким образом, внимание к изменениям, внесенным Вторым посланием Петра в содержание Послания Иуды, может помочь подчеркнуть интересы Второго послания Петра и характер его аудитории. Здесь, во Втором послании Петра 2, стихах 1–3, мы улавливаем отголоски нескольких тем из Послания Иуды 4. Проникновение новаторов в общины и внедрение разрушительных учений, отрицание господства Христа в некотором смысле и тот факт, что осуждение таких людей было объявлено давно, по крайней мере, в библейских записях о Божьем суде над всеми такими людьми, если не над этими учителями конкретно и индивидуально.

В случае Иуды отрицание Господа Иисуса со стороны нарушителя, по-видимому, было исключительно вопросом практики. Они вполне могли исповедовать Иисуса Господом устами, но на деле отрекались, не исполняя повеления Господа. Здесь автор Второго послания Петра, вероятно, имеет в виду отрицание учителем-оппонентом Божьего обязательства судить и, следовательно, убежденность в том, что Христос вернется как Господь и Судья.

Это, конечно, имело и практические последствия. Освободившись от забот о божественной награде и наказании, мы открыли путь к тому, чтобы наслаждаться жизнью ради собственного удовольствия и достижения целей. Наш автор высказывает ещё одну проблему: влияние подобного стремления к удовольствиям на репутацию христианской общины.

Христиане, как правило, считались деградировавшей группой атеистов, поскольку фактически отрицали существование подавляющего большинства богов и больше не проявляли должной гражданской солидарности со своими ближними ни на публичных праздниках, ни на частных собраниях, которые в любом случае подразумевали бы символическое признание богов, отвергнутых христианами. Ранние христианские лидеры стремились к тому, чтобы любой подобный упрек в адрес христиан был направлен по истинно добродетельным причинам: за их преданность единому Богу и грядущему Царству Господа их Иисуса Христа, а не за законные причины безнравственного или откровенно подрывного поведения. Автор Второго послания Петра, кстати, выражает здесь схожую обеспокоенность.

Путь истины, безусловно, будет оклеветан, но пусть это не будет связано с безнравственными или эгоистичными действиями тех, кто претендует на звание христианина. Мы можем также найти отражение этой обеспокоенности как в начале письма, так и в тщательном построении ответа автора на критику христианской веры в Божий суд со стороны другого учителя в главе 3. Если христианская вера и страдает в глазах некоторых людей от ограниченности или провинциальности, автор покажет, что она, скорее, соответствует как высшим идеалам греко-римской этики, так и философским обоснованиям веры в Божий суд. Заключительные предложения стиха 3

главы 2 особенно интересны, учитывая акцент, который будет сделан в главе 3 на предполагаемой отсрочке Божьего суда, которую Эпикур и его последователи считали признаком того, что боги на самом деле не заботятся о человеческой несправедливости.

Автор дважды подчеркивает, что персонифицированный суд этих учителей-соперников не является ни ленивым, ни сонным. Если Бог ещё не отстранил учителей-соперников, то лишь с одной целью: дать им возможность покаяния, принятия всей полноты истинного Евангелия и жизни в соответствии с траекторией, начавшейся с очищения от прошлых грехов дорогой жертвой Иисуса и ведущей к воссозданию Богом небес и земли, где обретёт место только праведность. Автор начинает опровергать утверждение учителя-соперника о том, что Бог не вмешивается, чтобы судить и наказывать, обращаясь к эпизодам священной истории, свидетельствующим об обратном.

Он рассматривает гибель древнего мира и его обитателей во время потопа, а также пожар Содомы как исторические примеры, доказывающие обеспокоенность Бога человеческой несправедливостью и Его готовность вмешаться, чтобы положить ей конец. Однако эти примеры также служат историческими прецедентами, подтверждающими иудейское библейское и апостольское убеждение в том, что Бог вновь вмешивается в будущем, чтобы осудить всю неправду и искоренить её из нового Божьего творения. Это соответствует общему принципу логики, сформулированному Аристотелем в его «Искусстве риторики»: будущее, как правило, похоже на прошлое, и именно исследуя прошлое, мы предсказываем и судим о будущем.

Эти прецеденты, следовательно, делают исповедание Христа пришедшим снова, или Он придет снова во славе, чтобы судить живых и мертвых, достоверным. И это мы слышим во 2 главе, стихи 4-10. Ибо если Бог не пощадил ангелов согрешивших, но, заключив их в тартар в оковы мрака, предал их блюдению для суда, и древнего мира не пощадил, наведя потоп на мир нечестивых, но сохранил восемь, принадлежавших Нюю, проповеднику правды, и обратив города Содом и Гоморру в пепел, осудил их на погибель, поставив их в пример того, что должно было произойти с нечестивыми, но спасенными праведниками, которых огорчало бесстыдное поведение беззаконных.

Ибо праведник, живя среди них, ежедневно терзал праведную душу свою, видя и слыша о беззакониях их. Тогда Господь знает, как благочестивых избавлять от искушения, а беззаконников соблюдать для наказания в день суда. Тем более тех, которые поступают по плоти, в оскверненной похоти, и презирают власти.

Автор приводит пример согрешивших ангелов, теперь более тесно связанный с Великим потопом, и пример Содомы, также встречающийся в Послании Иуды (стихи 5–7), опуская упоминание Иудой поколения Исхода. Однако он представляет позитивные аналоги этих эпизодов суда, а именно избавление Нюя и его семьи от потопа и избавление Лота из города Содомы. Этот двойной акцент отвечает цели автора не только подорвать авторитет учителей-соперников, но и способствовать неуклонному стремлению аудитории к праведности, пути, который он наметил в первой главе (стихи 3–11), ведущему к избавлению от грядущего суда, о котором он будет говорить в третьей главе (стихи 1–15).

В Книге Бытия нечестивые ангелы и потоп тесно связаны. Весь эпизод истории о потопе предваряется кратким и волнующим упоминанием об ангелах, совокуплявшихся с женщинами (Бытие 6:1-4), – эта связь также поддерживалась в еврейской литературе Второго Храма. Например, в Апокрифе Бытия, тексте, найденном в пещерах вокруг Кумрана, Ламех опасается, что его необычайно красивый сын Ной может быть не от него, а плодом соития одного из ангелов с женой Ламеха.

В других текстах говорится, что потоп был вызван, в частности, злом, которое эти ангелы принесли людям и которому они подвергли себя. Поэтому вполне естественно, что наш автор связал ангелов-наблюдателей как с потопом, так и с Ноем как с положительным аналогом, свидетельствующим о Божьей защите праведника в разгар суда над нечестивыми. Интересно, что наш автор называет Ноя проповедником праведности.

В Книге Бытия нет никаких указаний на то, что Ной пытался свидетельствовать или исправлять своих соседей, но в дополнениях к этой истории периода Второго Храма он представлен именно таким образом. Например, в первом пророчестве Бог поручает Ною возвестить всем народам покаяние, чтобы все могли спастись. А Иосиф Флавий, перефразируя библейскую историю, говорит, что Ной был очень обеспокоен их поступком и, недовольный их поведением, призвал их изменить свой нрав и поступки к лучшему.

Эта традиция может противостоять тенденциям заботиться только о спасении своей группы, напоминая им об их долге, подобно Ною, свидетельствовать о Божьей праведности и призывать своих ближних к безопасности перед лицом Божьего суда. Подобно Иуде в отношении тех, кто беспокоил его, автор Второго послания Петра теперь пускается в яростное осуждение характера и мотивов учителей-соперников. Самонадеянные и высокомерные люди, они не стесняются злословить славных существ, тогда как ангелы, превосходящие их силой и могуществом, не несут на них порицающего суда перед Господом.

Но эти люди, подобно зверям безрассудным, поступающим по инстинкту и зачатым только для того, чтобы быть уловленными и уничтоженными, злословя о том, чего они не знают, и сами будут уничтожены в своей порочности, видя зло как возмездие за беззаконие. Они почитают пиршества днем за удовольствие, осквернители и осквернители, наслаждаясь своими уловками, пируя с вами, всегда высматривая прелюбодейку, непрестанно грешащие, соблазняющие неутвержденные души, имеющие сердца, приученные к любостыжанию, – дети проклятия. Оставив прямой путь, они блуждали, следуя путем Валаама, сына Восорова, который возлюбил мзду неправды.

Но он испытал упрек за собственное преступление. Невнятный осёл, изрекающий человеческий голос, воспрепятствовал безумию пророка. Если автор Второго послания Петра действительно, как полагает большинство учёных, использует послание Иуды в качестве источника, особенно интересно отметить, что он избегает любого упоминания странного эпизода спора ангелов о теле Моисея, равно как и опускает чтение Первой книги Еноха, стих 9, как свидетельства Божьего суда.

Это было истолковано как признак либо его собственного отсутствия энтузиазма по отношению к подобным внеканоническим произведениям, либо, что более вероятно, незнакомства его аудитории с подобными произведениями и традициями. Если, как полагает большинство учёных, автор Второго послания Петра обращается к общине, находящейся в районе пересечения миссий Павла и Петра, то они далеки от внеканонических произведений и традиций, распространенных в Палестине, и поэтому обращение к ним в данном послании скорее внесло бы путаницу, чем принесло бы пользу. Тем не менее, автор продолжает утверждать, что противоборствующие учителя клеветнически говорят о духовных существах, стоящих выше людей на лестнице творения.

В каком смысле они это делали, остаётся неясным, но отрицание власти ангелов или демонов над человеческим существованием, по-видимому, сочетается с отрицанием участия самого Бога в человеческих делах. Они действительно могли бы утверждать свою свободу, презрительно отзываясь о духовных существах, к которым их более суеверная аудитория была приучена относиться с почтением. Можно было бы ожидать, что зрители вспомнят эпизод из книги Захарии 3, стихи 1–6, где Михаил отвечает сатане словами: «Да запретит тебе Господь», как у Иуды, но уже без потенциально запутанного багажа истории о теле Моисея.

Автор подрывает философские претензии соперничающих учителей, утверждая, что они, по сути, действуют на уровне диких животных, а не просветлённых людей. Это проявляется в их пристрастии к еде и питью, в их предполагаемом стремлении к сексуальным свиданиям и в жадности или стяжательстве, движущем всеми их действиями. Сверхбогатые и праздный класс могли предаваться своим пиршествам и попойкам в любое время дня и ночи подряд, но в целом такое потворство своим желаниям в дневное время считалось признаком дегенерации.

Исаия уже осудил таких людей, преданных удовольствию, а не делу Божьему. Завет Моисея, созданный в первом веке нашей эры, также использует эту черту для характеристики нечестивых. Лживых людей, угождающих только себе, лживых во всех отношениях, любящих пиры в любое время дня, обжорливых до чревоугодия.

Строка, которую я перевёл довольно вольно, словно постоянно высматривая прелюбодейку, была более прозрачной: «имея взор, полный прелюбодейки». Это неясное выражение, по-видимому, предполагает некоторое знание того факта, что зрачки глаз в Греции назывались «корей», или «девы». Плутарх, писавший в конце I или начале II века, приводит, по-видимому, современную ему поговорку, говоря о похотливом мужчине, у которого в глазах «порней», проститутки, а не «корей», девушки.

Даже тот, кто не видит этой связи, всё равно поймёт, о чём идёт речь. Эти учителя рыщут. Оставив в стороне упоминания Иудой Каина и Корея, наш автор сосредотачивается на истории Валаама, обращая внимание на более известный эпизод встречи Валаама с ангелом Господним, посланным, чтобы поразить его, прежде чем он успеет исполнить своё предназначение – проклясть народ Божий.

Этот эпизод описан в книге Чисел 22, стихах 15–35. К чести Валаама, он не захотел идти к Валаку, царю Моава, когда тот его позвал. Даже когда он в конце концов смягчился, он сказал посланникам, что может говорить только те слова, которые Бог вложит в его уста, будь то благословение или проклятие.

Однако по дороге в Моав ангел Господень трижды преграждал путь Валааму, готовясь убить его. Каждый раз ослица, на которой ехал Валаам, сворачивала с дороги или, в конце концов, просто ложилась на дорогу. Когда Валаам снова ударил её, ослица заговорила и обратила внимание Валаама на грозного ангела, стоявшего перед ними, и глаза Валаама наконец открылись, и он осознал опасность, от которой спасла его ослица.

Подобным же образом, подразумевает автор, эти учителя-соперники, притворяясь обладателями подлинного знания о божественном, слепы к опасностям, подстерегающим их на пути, к надвигающемуся суду Божьему, который они сами отрицают. Автор продолжает обличать этих учителей-соперников, утверждая об опасности, которую они представляют для неосторожных, но также и об опасности, которую они представляют для себя. Познать искупление и новую жизнь, дарованные Христом, а затем вернуться к граням той жизни, от которой Он искупил нас такой ценой, – значит оказаться в худшем положении, чем те, кто никогда не испытывал благ Христа.

Эти люди – безводные источники и туманы, гонимые бурями, которым уготован мрак тьмы. Ибо, говоря пустые и высокомерные слова, они соблазняют бесстыдными плотскими похотями тех, кто на самом деле бежит от тех, кто живет в заблуждении. Обещая им свободу, они сами – рабы тления.

Ибо кто чем побеждает, тому и порабощается. Ибо если, убегая от скверн мира чрез познание Господа и Спасителя нашего Иисуса Христа, опять побеждаются ими, запутываясь в них, то последнее бывает для таких хуже первого. Ибо лучше было бы им не познать пути правды, нежели, познав, возвратиться обратно от преданной им святой заповеди.

Их постигло то, что было сказано в истинной пословице: собака возвращается на свою блевотину, а свинья, очищенная, валяется в грязи. Мы снова слышим сильные переключки с посланием Иуды, например, в утверждении, что учителя-соперники не могут предложить ничего существенного, подобно пересохшим источникам. Однако наш автор описывает опасность, с которой сталкиваются люди, которые, познав Божью милость, отвергают её и святость, к которой Бог призывает нас, предпочитая эгоистичные практики.

Такой акцент был предвосхищён в первом абзаце, где нежелание двигаться вперёд в новой жизни добродетели и святости равносильно забвению очищения от прошлых грехов. В главе 2, стихе 19, автор подходит к критической точке, противопоставляя свободу, которую обещали своим слушателям учителя-соперники, идущие по стопам Эпикура, и гораздо более постыдное рабство, в котором эти учителя трудятся – рабство своих желаний и страстей. Здесь он затрагивает хорошо известную философскую тему: что представляет собой истинная свобода, а что – истинное рабство.

Вспоминается, например, трактат Филона Александрийского о том, что каждый хороший человек свободен, или 14-я и 15-я речи Диокриста о свободе и рабстве. В обоих текстах мы читаем, что подлинная свобода не предполагает позволения делать всё, что пожелаешь, так же как подлинное рабство не зависит от социального статуса. Подлинная свобода — это способность не поддаваться влиянию эмоций, желаний или физических ощущений.

Это свобода не поддаваться принуждению к совершению низменных или порочных поступков по какому-либо побуждению. Истинное рабство, напротив, противоположно этому: низменные желания толкают человека на постыдные поступки, противоречащие общепризнанным идеалам справедливости, мужества, мудрости и воздержания. Соперничающие учителя извратили благую весть Христа таким образом, что это позволяет им продолжать служить плотским страстям, если воспользоваться словами Павла.

Поступая так, они лишились подлинной свободы, которую Евангелие призвано было принести людям. Любой, кто поддаётся убеждениям этих учителей-соперников, конечно же, подвергается тому же риску. И риск этот немалый.

По мнению автора, это не возвращение к исходной точке, ибо отвергнуть милостивые дары Божьи, дарующие жизнь и благочестие, — тема, с которой наш автор начал своё послание, — гораздо худшее преступление, чем оставаться в неведении и никогда не испытывать их, поскольку это подразумевает намеренно вынесенное оценочное суждение, как выразилось бы поколение Исхода: лучше наслаждаться угощениями из котлов с мясом в Египте, чем продолжать путь с Богом к земле обетованной. Именно в этом месте своего послания Иуда приводит цитату из 1 Еноха 1:9, говорящую о пришествии Бога для суда с десятками тысяч святых Его.

Наш автор исключает эту ссылку, отдавая предпочтение материалу, более важному для иудейской и христианской традиции. Первое, а именно, что их последнее состояние стало хуже первого, напоминает высказывание Иисуса, известное из Евангелия от Матфея 12, стихи 43–45: «Когда нечистый дух выйдет из человека, то бродит по безводным местам, ища места покоя, и не находит».

Тогда говорит: возвращусь в дом мой, из которого вышел. Придя, находит его незанятым, выметенным и убраным. Тогда идёт и берёт с собой семь других духов, злейших себя, и, войдя, живут там.

И последнее состояние того человека будет хуже первого. Так будет и с этим злым родом. Автор Второго послания Петра, по-видимому, истолковал эту притчу в соответствии с человеком, который был избавлен Христом в спасительном и этическом смысле, но затем позволил своей прежней жизни снова овладеть им, как это сделали и другие учителя.

Второй источник — это максима, более прямолинейно происходящая из Притчей, где глупец, возвращающийся к своим пагубным привычкам, сравнивается с собакой, которая возвращается, чтобы снова съесть свою блевотину, то есть то, что ранее уже доказало свою нездоровость. К этому добавляется ещё одна максима, легко заимствованная из животноводства, которая учит, что нет смысла купать свинью.

Получение Божьей благодати, вхождение в жизнь, реальное вступление на путь эвакуации, который Бог открыл через смерть Иисуса и излияние Святого Духа, влечет за собой и возлагает на нас обязанность жить так, чтобы показать, что мы знаем и ценим ценность дарованного нам.

Для нашего автора это означает последовательно жить по пути, на который нас наставило очищение от прошлых грехов ради праведности, которая обретёт пристанище в Царстве возлюбленного Сына Божьего. Не поступать так, сойти с этого прямого пути должно быть немыслимо для тех, кто вкусил и увидел, что блага Господь и что блага даруемая Им жизнь.